

СУДЬБА УЧЕБНИКА САМУЭЛЬСОНА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИАлександр
ГЕРШЕНКРОН

Окономика • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Вданной статье анализируется перевод на русский язык учебника Пола А. Самуэльсона «Экономика: вводный курс»¹.

В октябре 1966 года профессор Самуэльсон получил по почте книгу со странным сопроводительным письмом на русском языке, которое было подписано К. Н. Плотниковым, советским экономистом. Письмо было замечательно своей краткостью, синтаксическими ошибками и собственно содержанием. Стоит привести его здесь *in extensor*: оно заслуживает дословного (по возможности) перевода:

Respected Professor P. Samuelson,

I am sending you, in your quality as the author, a copy of the book published in the Soviet Union: *Economika, An Introductory Course*, which has received wide diffusion abroad.

With respect
Professor K. N. Plotnikov
October 20, 1966².

¹ Самуэльсон П. Экономика: вводный курс. Москва, 1964. В дальнейшем все страницы английского текста учебника приводятся по пятому изданию, с которого сделан перевод (*Samuelson P. Economics: An Introductory Analysis. 5th ed. N.Y., Toronto, L.: McGraw Hill, 1961*). Ссылки на перевод обозначаются буквой «с» — страница, на оригинал — буквой «р» — page.

² Оригинал этого письма, естественно, найти не удалось. По всей видимости, оно выглядело примерно так:

«Уважаемый профессор П. Самуэльсон!

Высылаю Вам в Вашем качестве как автора экземпляр опубликованного в Советском Союзе учебника «Экономика: вводный курс», который получил широкое распространение за рубежом.

С уважением
профессор К. Н. Плотников.
20 октября 1966 года».

(Прим. ред.)

Gerschenkron A. Samuelson in Soviet Russia: A Report // Journal of Economic Literature, 1978. Vol. XVI. June. P. 566—573.

Перевод с английского В. Малыгина

Текст был напечатан на листе белой бумаги, обратный адрес отсутствовал, из чего следовало, что отправитель письма не был заинтересован в подтверждении его получения.

В известном смысле это столь неуклюжее послание высвечивает неоднозначное отношение к учебнику Самуэльсона в Советском Союзе, а также те проблемы, с которыми столкнулись при подготовке его издания на русском языке.

В настоящей статье эти трудности анализируются в трех разделах: 1) проблемы собственно перевода; 2) комментарии/примечания редакторов; 3) вмешательство цензоров, исключивших из текста книги целый ряд фрагментов. Как примечания редактора, так и исключенные фрагменты свидетельствуют об атмосфере неуверенности, агрессии и страха, царящей в советской научной среде, и наш анализ призван обрисовать природу этих настроений. Очевидно, решение опубликовать перевод столь популярного на западе учебника сопровождалось стремлением оградить российского читателя от его вредного влияния. Полученный в итоге результат хорошо описывает популярная (к тому же «диалектическая») немецкая поговорка: «*Wasch mir den Pelz, aber mach' ihn nicht nass*»³.

На титульном листе и на обороте титула переведенного учебника заявлено, что данный учебник предназначен для «научных библиотек» (о тираже — обычно указываемом на последней странице публикуемых в СССР изданий — в данном случае скромно умалчивается) и рассчитан на квалифицированных читателей: «преподавателей, научных работников, аспирантов». Иными словами, американский учебник для студентов в Советской России превратился в «учебник для аспирантов». А в соответствующей защите нуждались невинные души трех означенных категорий читателей.

Над переводом учебника работали не менее пяти переводчиков. Как гласит русская поговорка: «У семи нянек дитя без глаза», и нам предстоит убедиться в истинности этой народной мудрости применительно к предмету нашего анализа. Редактировали текст перевода три редактора, а сама книга была издана под общей редакцией некоего Кудрявцева. Двенадцатистраничная вступительная статья — крайне оскорбительная по форме и насковозь идеологизированная по сути — написана одним советским академиком, а *Общий редактор* составил длиннущее (сорокастраничное) послесловие, в котором также обвиняет Самуэльсона во всех грехах, включая эклектичность метода и метафизический способ мышления — причем последний, в частности, «нашел отражение в том, что учебник начинается с „макроэкономики“» (с. 836). Понять подобную логику не представляется возможным, однако это никого не волнует.

Ни вступительная статья, ни послесловие непосредственным предметом нашего анализа не являются; отметим лишь, что автор послесловия, после традиционных нападок на старую и современную «вульгарную буржуазную политическую экономию», лишь в самом конце добирается до замысла издания учебника Самуэльсона на русском языке. Цель проекта информативная: «ознакомить „из первых рук“ квалифицированных экономистов с тем, чему учат в капиталистических странах студентов в области экономической теории, и с теми проблемами, которыми занимаются современные буржуазные экономисты» (с. 837—838). Такая информация, спешит добавить автор, важна в политическом отношении. «Едва ли надо доказывать, что подлинное знание идеологического „оружия“ апологетов современного капитализма — одно из

³ Помой мне шкуру, да не замочи (нем.). Русский эквивалент: «И волки сыты, и овцы целы».

важнейших условий успешной борьбы с буржуазной идеологией в области экономической науки»⁴.

Однако, обезопасив себя идеологически, автор уже в следующем предложении послесловия меняет тон:

«Одновременно с этим в учебнике Самуэльсона можно найти кое-что поучительное и в области тех методов, которые в настоящее время применяются в капиталистических странах при рассмотрении такой стороны адекватного им производства, как простой процесс труда. Именно в этой области находит широкое применение современная математика и свойственные ей технические средства, что, безусловно, представляет определенный интерес для практики рациональной организации материальной основы (но, конечно, не общественной формы) любого способа производства. Известный интерес для советских экономистов представляет и тот сравнительно значительный фактический материал о капиталистическом хозяйстве, который приведен в учебнике. И, наконец, небезынтересно для советских экономистов ознакомиться и с формой изложения материала, которая доходчива и понятна даже для мало осведомленного читателя»⁵.

Таким образом, даже несмотря на все негативные оценки эконометрики в основной части послесловия, его автору все же приходится в качестве запоздалого допущения признать, что советский читатель найдет для себя в учебнике Самуэльсона кое-что весьма поучительное. К сожалению, как будет показано далее, именно наиболее поучительное для советских экономистов стало жертвой иезуитской деятельности цензоров-редакторов, озаченных тем, чтобы «овцы остались целы».

1. Перевод

В целом перевод сделан довольно качественно. Русский язык, несмотря на некоторую жесткость, довольно точен, а для многих понятий, в частности для специальной кейнсианской терминологии, удалось подобрать адекватные русские эквиваленты. Позитивной оценки заслуживает стремление переводчиков не пользоваться непереводаемыми либо не вполне русифицированными английскими терминами. Пожалуй, единственное исключение — использование существительного «хедж» для перевода английского *hedge*; причем на с. 492 даже дается производное прилагательное, но не глагол.

Вместе с тем на качество перевода негативно повлияли следующие его недостатки: 1) наличие разночтений и несоответствий; 2) значительное число ошибок, свидетельствующих о недостаточном знании английского языка либо специфики американской действительности, что порой оборачивается забавными курьезами; 3) ряд «менее значимых» фальсификаций и искажений.

⁴ С таким же успехом они могли бы добавить: «успешной борьбы» апологетов советской системы, однако в Советской России почему-то никогда не пользуются понятиями «апология» или «апологетика», когда речь заходит о защите своей собственной системы. В свое время Макс Вебер отмечал неспособность марксистов применять принципы, предложенные Марксом, к анализу самого марксизма; то же самое абсолютно верно в отношении марксистской терминологии.

⁵ Здесь я должен отметить неизменно поражавшую меня долгие годы неспособность советских авторов, работающих в различных областях, излагать свои идеи в доступной неспециалистам форме, объяснять «мудреную» специальную терминологию и т. п.

Разночтения и несоответствия

Indifference curves («кривые безразличия») вначале совершенно правильно переведено буквально (с. 438, приложение к главе 21), однако в дальнейшем появляется перевод «нейтральные кривые» (с. 707).

Fallacy of composition («ошибка суммирования»⁶) сначала переводится как «ошибочное построение доказательства» (с. 31—33), а затем как «логическая ошибка группировки» (с. 331). Обе версии являются доморощенными (*self-made*). По-видимому, использован дословный перевод латинского изречения: *fallacia a sensu diviso ad sensum compositum*⁷. Наличие разных вариантов усугубляет ошибочность перевода.

External diseconomies («внешние источники потерь») сперва крайне сомнительно переводится как «внешнее расточительство» (с. 200), затем — как «внешняя неэкономичность» и, наконец, — как «неэкономичность во внутренних хозяйственных процессах» (с. 583). И вновь неадекватность перевода усугубляется множеством его вариантов.

Consumers' surplus переведено как «дополнительная выгода, достающаяся потребителю» (с. 434 и далее), однако на с. 665 *producers' surplus and consumers' surplus* неожиданно превращаются в «прибыль производителей и прибыль потребителей», что создает путаницу для читателя.

Opportunity cost («альтернативные издержки») вначале довольно удачно переведено как «издержки утраченных возможностей» (с. 457), но в дальнейшем на с. 716 оказывается «благоприятной альтернативной стоимостью».

С понятиями *implicit and explicit returns* вышла полнейшая неразбериха и путаница, что стало результатом как ошибочности, так и противоречивости перевода. В качестве возможного (хотя и не идеального) варианта перевода можно было воспользоваться терминами *non-monetary* и *monetary returns*, у которых имеются точные русские эквиваленты. Вместо этого для перевода *implicit* было выбрано совершенно неподходящее — «безусловный» (с. 653 и далее на с. 661—662, 669—670) (причем по ходу дела на с. 662 *implicit* внезапно трактуется как «условно начисляемый»; что же касается понятия *explicit*, то оно вначале переведено как «скрытый» (с. 654), а впоследствии — как «безусловный».

Barter вначале переводится как «натуральный обмен» (с. 67), что является традиционной русской калькой с немецкого (именно этот вариант использовался при переводе на русский работы Карла Бюхера⁸, однако далее он превращается в «товарообмен» и, наконец, — без всякой необходимости и только запутывая читателя — английский термин *barter* напрямую транслитерируется в русское существительное «бартер», и даже дается производное прилагательное от него (с. 716).

Slope на протяжении практически всей книги трактуется переводчиками как «крутизна», однако в самом ее конце (с. 725) неожиданно обнаруживается точный геометрический термин: «наклон/угол наклона [кривой]». Вообще, наблюдается поразительное незнание переводчиками элементарных математических понятий. Так *finite* («конечный, имеющий предел») и *infinite*

⁶ Ошибочное допущение, согласно которому то, что правильно для частного, неизбежно правильно также и для целого. — *Прим. ред.*

⁷ Ошибка от смысла раздельного к смыслу собирательному (*lat.*).

⁸ Бюхер Карл (Bücher Carl) (1847—1930), немецкий экономист, статистик, представитель новой (молодой) исторической школы в политэкономии. В своем главном труде «Возникновение народного хозяйства» (1893) выдвинул схему развития хозяйства, в основу которой положена «длина пути», проходимого продуктом от производителя до потребителя (Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2007). — *Прим. ред.*

(«бесконечный») у них превращаются в «определенный» и «неопределенный» (с. 647), а стандартный перевод понятия *cancel out* («нейтрализовать, уравновешивать») заменен доморощенным «элиминироваться».

Перечень несоответствий и разночтений перевода можно без труда продолжить. Однако и приведенных примеров вполне достаточно для однозначного вывода о том, что в работе пяти «нянек-переводчиков» отсутствует должная согласованность; в результате они не смогли удержать ребенка и уронили его. А что же редакторы? Разве проверка рукописи перевода с точки зрения правильности, единообразия и непротиворечивости используемой терминологии не входит в круг обязанностей трех редакторов (не говоря уже об *Общем редакторе*)? Однако, как станет очевидным далее, их наняли совершенно для другого: они были призваны обвинять Самуэльсона в фальсификации марксизма и ложном изображении американской экономики и общества, а также выполнять цензорские функции по вымарыванию «крамольных» фрагментов его работы. В итоге в некоторых случаях неспособность редакторов проверить корректность перевода привела к появлению абсурдных редакторских комментариев, а в других случаях из-за несогласованности редакторских действий эти комментарии откровенно противоречат друг другу.

Ошибки перевода

Существует одна серьезная ошибка перевода, вина за которую лежит, по всей вероятности, не на переводчиках, а на редакторах. Учебник Самуэльсона имеет следующую структуру: текст каждой главы завершают «Краткие выводы (Summary)», за ними следуют «Вопросы для обсуждения», многие из которых допускают разные толкования. Во всем переведенном на русский язык тексте учебника авторское название раздела «Вопросы для обсуждения» заменено на «Вопросы для повторения». Эта весьма существенная замена вполне объяснима, учитывая установку на недопущение дискуссий. Что касается остального, то здесь наиболее частой причиной ошибок (как свидетельствует их нижеприведенный перечень) оказывается слабое знание английских идиом, а также бытовой лексики.

Так, выражение *getting goose flesh* (дословно: «покрываясь гусиной кожей», то есть испытывая сильный эмоциональный стресс) переведено как «поедая гусиное мясо»; *home economist* («специалист в области экономики домохозяйств») превращается в «бережливого главу семьи» (с. 25—26); фраза *a banker sees red* (буквально: «банкир видит красное», то есть краснеет от бешенства) низведено до «банкира, краснеющего от смущения» (с. 331). *Judge Harry's celebrated dinners* («пресловутые „обеда“ у судьи Гарри») оказываются «торжественными обедами» (с. 531); *taverns* почему-то названы «небольшими гостиницами» (с. 534), хотя существует точный и очень старый русский эквивалент [«трактир, харчевня». — Прим. пер.]; *A. C. Pigou, Marshall's prize pupil* («А. Пигу — стипендиат имени Маршалла») оказывается «лауреатом премии Маршалла» (с. 462).

Carfare («плата за проезд») переведено как «расходы на содержание автомобиля» (с. 69); *old school tie* (буквально: «галстук выпускника старой школы» (как символ привилегированности положения) превратился в «узы старой школы» (с. 139); понятие *nice checks and balances* («тщательно отработанная система „сдержек и противовесов“») переведено как «приятные [банковские] чеки и [бухгалтерские] сальдо» (с. 522). Незнание переводчиком термина *checking system* («система чековых расчетов») не позволило ему адекватно перевести понятия *endorsed u unendorsed* («индоссированный» и «неиндоссированный»), а *providing a receipt in the form of the cancelled check*

voucher («произвести платеж посредством погашенного чека») неожиданно трактуется как «для проверки выплаченных сумм»⁹.оборот *meet the payroll* («расплатиться с работниками согласно платежной ведомости») остается непонятым и совершенно необъяснимым образом превращается во «всю сумму заработной платы» (с. 29); *going wage* («текущий/среднерыночный уровень заработной платы») благодаря необузданной фантазии переводчика становится «скользящей шкалой заработной платы» (с. 613).

Фраза *AFT went on record in opposition to social security* («профсоюз АФТ официально выступил против [системы] социального страхования») переведена следующим образом: «АФТ пришлось выдержать серьезную борьбу по вопросам социального страхования» (с. 180). Понятие *trade associations* («отраслевые торгово-промышленные объединения») ошибочно трактуется как «профсоюзы» (с. 110), а *subversives* («ниспровергатели»)¹⁰ превратились в «поджигателей войны», причем в обоих случаях редакторы получают возможность сделать язвительное замечание в адрес Самуэльсона (см. ниже).

У переводчиков возникли серьезные затруднения с префиксом *inter-*, в результате понятие *interpersonal* («межличностный») либо переводится ошибочно («взаимопереплетающийся» — с. 428), либо вообще пропускается (с. 434); аналогичным образом понятия *intercommodity* («межтоварный») и *intracommodity* («внутритоварный») (с. 562) получают корректную трактовку далеко не сразу.оборот *rather than* («предпочтительнее») на протяжении большей части книги переводится неправильно — пока наконец с большим опозданием не появляется его верная трактовка. Сходным образом понятие *featherbed* («ограничивать интенсивность труда/сдерживать увеличение выработки») обнадеживающе трактуется как «наживаться» (с. 181) и, опять-таки, только на с. 603 обнаруживается его правильный перевод.

Обратите внимание, что во всех перечисленных случаях, когда точный перевод «обнаруживался» позднее, никому и в голову не пришло исправить допущенные ранее ошибки. Я полагаю, что таковы специфические недостатки, присущие коллективной работе. Если бы перевод делал один человек, то он, помня свои предшествующие ошибочные трактовки, разумеется, постарался бы их исправить. А если бы к тому же на месте трех-четырех редакторов был один, то он бы наверняка позаботился бы о том, чтобы сделать более совершенный вариант перевода¹¹. Однако абсолютно ясно, что в таком крайне деликатном деле, как перевод данного учебника, безопаснее и полезнее для здоровья тела и спокойствия души нести — соответственно — не более одной пятой или одной третьей части ответственности.

Данный перечень [ошибок] можно без труда продолжить, однако он останется незавершенным без упоминания еще одного любопытного примера, ярко иллюстрирующего торжествующую победу необузданного воображения над знанием и достоверностью. Самуэльсон предпослал главе «Национальный доход и национальный продукт» в качестве эпиграфа известные строки Льюиса Кэрролла:

The time has come the Walrus said
To speak of many things [etc.]¹²

⁹ На память приходит типичный советский роман, в котором отвратительного буржуя принято изображать «владельцем толстенной чековой книжки».

¹⁰ Перевод А. Гершенкрона. — Прим. ред.

¹¹ Лорд Питер Уимси [герой детективных романов Дороти Сэйерс] говаривал: «Наиболее опытные убийцы обычно действуют в одиночку». Не знаю как насчет преступников, но, похоже, в отношении переводчиков и редакторов это наблюдение абсолютно верно.

¹² И молвил Морж: «Пришла пора подумать о делах...» (*Кэрролл Л. Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье* / Пер. с англ. Н. Демуровой. М.: Наука, 1991).

Walrus! Какой такой Walrus? Должно быть, это диковинное слово все-ррез и надолго озадачило переводчиков. В конце концов их внезапно осенило, и они «поняли», о чем идет речь. Так ведь это, должно быть, ошибочно напечатанная фамилия Вальраса — еще одного вульгарного буржуазного экономиста. Ну конечно же! Самуэльсон—Вальрас — птицы одного полета! Итак, перевод гласит:

The time has come the *Walras* has said
To speak of many things,
Настало время, — сказал *Вальрас*, —
Потолковать о многих вещах...

Фома неверующий найдет эти строки на с. 219 советского перевода.

Фальсификации

(а) Самуэльсон констатирует: «*Within the framework of constitutional government, it is the privilege of the electorate...* («При конституционной форме правления избирателям принадлежит право...»)» (р. 673; курсив мой — А. Г.). Перевод: «До тех пор пока мы остаемся в пределах политической системы, предполагающей избрание правительства на основе конституции, избиратели располагают следующей привилегией...» (с. 665; курсив мой — А. Г.). Шесть слов Самуэльсона превращаются в шестнадцать (хотя и четырех русских слов вполне достаточно для идеального перевода этой фразы). Однако переводчики коварно приписывают Самуэльсону сомнения относительно перспектив/неуверенности в будущем нашей [американской] политической системы.

(б) Самуэльсон: «*Today in this country, few workers can be thought of as physiologically undernourished* («сегодня в США осталось *очень мало* рабочих, о которых можно сказать, что они недоедают»)» (р. 631; курсив мой — А. Г.). Перевод: «Можно предполагать, что в настоящее время в Соединенных Штатах *некоторые* рабочие действительно испытывают физиологическое недоедание» (с. 616; курсив мой — А. Г.).

(в) Самуэльсон, размышляя об *экономической истории Соединенных Штатов*, утверждает: «*Just why the United States developed a superiority in know-how and capital availability is not well understood by economic historians.* («Историки народного хозяйства не могут дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос о том, почему Соединенные Штаты достигли [глагол в прошедшем времени — А. Г.] превосходства в уровне знаний и запасах капитальных благ»)» (р. 615). Перевод: «Историки народного хозяйства не могут дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос о том, почему Соединенный Штаты располагают [не тот глагол, к тому же в настоящем времени — А. Г.] более высоким уровнем знаний и более крупными запасами капитальных благ» (с. 598). Небольшое ухищрение — подмена времени, — и у редакторов появляется возможность для гневного критического примечания об «отставании» Соединенных Штатов (см. ниже).

(г) Самуэльсон пишет: «*In its simple form, the labor theory of value will lead to incorrect and inefficient use of both labor and nonlabor resources in even the most perfect socialist system*» («[Использование] *трудо*вой теории стоимости в ее простой форме *приведет к неправильному и неэффективному использованию трудовых и нетрудовых ресурсов даже в самом совершенном социалистическом обществе*»)» (р. 684). Переводчики заменяют определение «простой» (*simple*) на «простейший» (*simplest*) (с. 676).

(д) Самуэльсон констатирует: «Ambitious attempts to measure an aggregate production function for the whole of American manufacturing seem to provide rough corroboration for the theories of production and marginal-products» («Представляется, что амбициозные попытки рассчитать общую производственную функцию для всего американского хозяйства в целом подтверждают теории производства и предельного продукта») (р. 584). Перевод: «Честолюбивые попытки вывести показатели общей функции производства для всего американского хозяйства в целом, *по-видимому, преследуют цель* подкрепления теорий производства и предельного продукта хотя бы *самыми грубыми расчетами*» (с. 565; курсив мой — А. Г.). Налицо — грубое искажение. Вообще, дискредитация других лиц посредством приписывания им низменных движущих мотивов — типичный прием советской критики. Низкие побуждения приписываются Самуэльсону на всем протяжении текста вступительной статьи, послесловия и редакторских примечаний. Однако в данном случае дискредитирующие побуждения вменяются в вину Самуэльсону посредством фальсификации перевода.

Этого довольно. Итак, пока все идет плохо, однако могло быть еще хуже.

2. Редакторские примечания

После «нянек-переводчиков» за дело берутся «гувернеры-редакторы», чья задача состоит в том, чтобы оградить советских деток-читателей от сквернословия и неприличного поведения Самуэльсона, этого парадоксального *bourgeois garçon de rue*¹³. Приводимые далее примеры примечаний редакторов призваны показать, как они справляются со своей неблагодарной образовательной миссией. Мы увидим, что главный используемый ими аргумент — «это не так» или «это не соответствует действительности» — подразумевает «энциклопедическое всезнание» редакторов, чьи оценки и суждения являют собой истину в последней инстанции и не нуждаются ни в каких доказательствах. Редактирование выполняет двоякую функцию — наступательную и оборонительную: суждения по поводу Соединенных Штатов необходимо подвергать критике, круто замешанной на личных оскорблениях, тогда как марксизм, коммунизм и Советскую Россию следует активно защищать.

Семантика (язык). Самуэльсон пишет о «смешанной экономике» Соединенных Штатов. Редакторы возражают: «Теория смешанной экономики, развиваемая Самуэльсоном и другими буржуазными экономистами, не имеет ничего общего с действительностью. Она призвана завуалировать господство монополий в экономике и политике США. Американская экономика — это не „смешанная“, а капиталистическая экономика» (с. 53). Самуэльсон считает сооружение в США государственных гидроэлектростанций во времена «нового курса» (упомянув при этом, в частности, TVA — Tennessee Valley Authority) примером «ползучего социализма». Редакторы возражают: «[это] расширение капиталистического „государственного хозяйства“ не имеет ничего общего с социализмом и представляет собой лишь одну из форм развития государственно-монополистического капитализма» (с. 192).

Тема *заработной платы* американских рабочих пострадала больше всего. Самуэльсон пишет: «Путем повышения заработной платы шахтеров Джон Л. Льюис создал хороший бизнес для производства силового оборудования» (р. 583). Редакторы, полностью проигнорировав высказанную мысль, решили снабдить это предложение следующим примечанием: «Если даже

¹³ Уличный мальчишка (фр.).

рабочим и удается в результате своей упорной борьбы преодолеть сопротивление предпринимателей и добиться некоторого повышения заработной платы, то на практике капиталисты используют механизацию и автоматизацию производственных процессов для нового наступления на жизненные права рабочего класса, на достигнутый уровень заработной платы» (с. 564). Самуэльсон пишет об увеличении количества женщин в составе рабочей силы. Редактор комментирует: «Расширяющееся на протяжении последних лет использование американскими монополиями труда женщин и подростков свидетельствует о значительном ухудшении материального положения большинства трудящихся в условиях так называемого «процветания» США. Вместе с тем использование низкооплачиваемого женского и детского [sic!] труда неизбежно ведет к расширению сферы и повышению степени хищнической капиталистической эксплуатации рабочего класса» (с. 605).

Самуэльсон констатирует: «Статистика говорит о некотором ослаблении концентрации монополистической власти» (р. 40). Реакция редакторов: «Факты свидетельствуют как раз об обратном — об усилении процессов концентрации и монополизации производства и централизации капитала в США и других капиталистических странах» (с. 56).

Текст Самуэльсона о послевоенной экономической конъюнктуре редакторы комментируют следующим образом: «Автор в ряде мест пишет о послевоенном „процветании“ американской экономики, о наступлении периода „полной занятости“ и т. д. Эти утверждения не соответствуют действительности. Напротив, послевоенный период выявил усиление неустойчивости экономики США, что нашло свое выражение в частых экономических кризисах перепроизводства, снижении темпов роста промышленного производства, увеличении армии безработных, которая составляет не менее 5—6% всей занятой рабочей силы» (с. 139).

Самуэльсон: «Судя по всему, вероятность того, что мир вскоре окажется ввергнутым в глубокий кризис, подобный Великой депрессии, ничтожно мала. Тем не менее нам не следует, будучи слишком самоуверенными, преждевременно забывать важные уроки 1930-х годов. Более того, критический анализ этого опыта способен помочь нам избежать повторения подобного в будущем» (р. 754). Это вполне спокойное высказывание вызывает моментальный ответный выпад редакторов: «Конечно, ни „воспоминания“ о кризисах прошлого, ни различные „антикризисные“ государственно-монополистические мероприятия не могут спасти как США, так и любую другую капиталистическую страну от кризисов перепроизводства. Капиталистическое производство периодически прерывается экономическими кризисами — таков непреложный закон и никому не дано „отменить“ его. Факты показывают, что, несмотря на различные меры государственного регулирования экономики, США в послевоенный период пережили четыре экономических кризиса: в 1948—1949, в 1953—1954, в 1957—1958, в 1960—1961 годах» (с. 744). В любом случае экономика США находится в крайне плачевном состоянии. В разделе «Фальсификации» (см. выше) говорилось, что в предложении Самуэльсона об экономической истории Соединенных Штатов переводчики осуществили хитроумную подмену времени (прошлого на настоящее), тем самым предоставив редакторам возможность для следующего комментария: «Указанные положения автора представляют собой типичный образец современных апологетических концепций «исключительности» американского капитализма. Как известно, выдающиеся успехи Советского Союза и других социалистических стран демонстрируют всему миру усиливающееся отставание США в ряде важнейших

областей науки и техники. Вряд ли можно признать полностью правильным данный тезис автора даже применительно только к капиталистическому миру. Неравномерность развития капиталистических стран на протяжении послевоенного периода, в частности, выразилась в более быстрых темпах экономического роста ряда капиталистических государств Западной Европы и Японии по сравнению с США, в сравнительно более интенсивном развитии в указанных странах ряда научно-технических исследований, в технической реорганизации производства и т. д. Наглядным выражением этой неравномерности развития явилось обострение конкурентной борьбы между империалистическими странами и серьезное ухудшение за последние годы позиций США на мировых рынках» (с. 598).

Помимо уже перечисленных у Самуэльсона имеется множество других недостатков: он «страшно искажает», «замалчивает...», «вновь повторяет» избитый тезис, «нацеленный на раскол рабочего класса», защищает колониальную систему, «прибегает к прямым фальсификациям» и совершает много других грехов.

Так, «восхваляя частную собственность на средства производства и систему хозяйства, основанную на конкуренции, и пытаясь всячески опорочить методы планового управления народным хозяйством, автор умалчивает о том чудовищном расхищении общественного труда и материальных средств, которое порождается самой системой частнокапиталистической конкуренции в связи с хищнической эксплуатацией рабочей силы, периодическим перепроизводством колоссальной массы товаров, безработицей, разорением слабейших конкурентов, существованием коммерческой тайны, крайним разбуханием непроизводительных издержек обращения, в том числе огромными расходами на рекламу и т. д. и т. п.» (с. 590).

Как отмечалось выше, из-за ошибки переводчика одна из упоминаемых Самуэльсоном форм завоевания монопольного положения на рынке — *trade associations* («отраслевые торгово-промышленные ассоциации») была переведена как «профсоюзы». Редакторы с поразительным легкомыслием подхватывают эту ошибочную версию, сопровождая ее язвительным комментарием: «Автор... повторяет избитый тезис о „монополии“ профсоюзов, вызывающей, якобы, „неоправданное“ повышение заработной платы. Это — распространенная среди буржуазных идеологов теория, направленная на разобщение рабочего класса в его борьбе против наступления монополистического капитала, стремящегося свести заработную плату на уровень, который значительно ниже стоимости рабочей силы» (с. 110). Кто в данном случае менее компетентен — переводчик или же ограниченные журналисты, которые подвизаются в качестве научных редакторов и чей интеллект не отягощен «мнимым» стремлением к логичности и непротиворечивости? Запомним на минуту этот обвинительный комментарий. Ибо, анализируя «инфляцию издержек», Самуэльсон отмечает, что «цепь причинной связи могла бы быть протянута не только от заработной платы, но и от нормы прибыли. Процесс проистекает не обязательно от одностороннего давления профсоюзов, а скорее — от взаимосвязанной организационной системы, в которой *все* виды цен и заработной платы в конечном счете определяются как результат влияния психологии и преднамеренных действий промышленника, рабочего и потребителя» (р. 383). Неужели и это не заставило наших редакторов хотя бы убавить прыть? Ничуть не бывало. Без тени смущения они «разъясняют»: «Эти весьма туманные оговорки имеют тот смысл, что автор хотел бы, чтобы теория „инфляции издержек“ (или инфляционной спирали) по возможности выглядела как примитивно антирабочая теория,

которая всю вину за рост цен возлагает на рабочий класс» (с. 378). Так-то вот! Как видим, переиграть таких редакторов положительно невозможно; они всегда оказываются «на коне». Самуэльсон, о котором ранее (с. 590) говорилось, что он замалчивает такие явления капиталистического общества, как кризисы и депрессии), пишет: «Депрессии — это огромные бедствия, поражающие в одно и то же время все классы и слои населения» (р. 513). Это предложение вызывает гневный комментарий редактора: «Это утверждение совершенно несостоятельно. Экономические кризисы, или, как называет их Самуэльсон, „депрессии“, далеко не в одинаковой степени затрагивают различные слои населения буржуазного общества. Если крупные монополии могут ничего не потерять и даже приумножить свои прибыли в ходе кризиса, то в это время разоряются и банкротятся многочисленные мелкие и средние предприятия, растет безработица и жизненный уровень рабочего класса резко снижается» (с. 497; курсив мой — А.Г.). Само предложение Самуэльсона было переведено абсолютно точно, и в нем нет даже намека на «одинаковую степень», но даже это не помешало редакторам пойти на вопиющее нарушение — контрабандное включение этой фразы в примечание. Ну что же, небольшой подлог ради благой цели вполне оправдан.

В выводах к главе 28 Самуэльсон пишет: «Хотя мальтузианское перенаселение угрожает многим слаборазвитым странам, таким как Индия, в Соединенных Штатах и других развитых в экономическом отношении государствах рост населения не оказывает понижающего давления на уровень реальной заработной платы, приближающего ее размеры к уровню прожиточного минимума» (р. 640). В главе 28 других ссылок на Индию нет, а упоминание этой страны в приведенном предложении является мимолетным. Тем не менее это заставляет редакторов пустить в ход свою «тяжелую артиллерию». Вот их комментарий: «Это — один из обычных приемов апологии колониализма. Автор пытается представить дело таким образом, будто бы трудности, стоящие на пути экономического развития Индии, вызваны не многолетним хищническим разбоем колонизаторов и предпринимаемыми в современных условиях попытками империалистических государств навязать народам развивающихся стран новые формы колониализма, а просто слишком быстрым ростом численности их населения. Практика последовательной борьбы народов экономически слаборазвитых стран за свою независимость и демократические преобразования демонстрирует полную несостоятельность лживых мальтузианских концепций, используемых для прикрытия грабительской политики империализма» (с. 627). Напомним, что это — реакция всего лишь на дюжину слов из учебника Самуэльсона. В них, правда, действительно упомянуто имя Мальтуса. А Мальтус, как известно, был для Маркса *bête noire*¹⁴, и всякий раз, когда советские авторы встречают это имя, они не просто краснеют (см. выше), а приходят в настоящее бешенство.

Аналогичным образом, ничто не могло вызвать большего гнева советского человека, чем название следующего раздела главы 28: «Железный закон заработной платы: Мальтус и Маркс». После краткого изложения позиции Мальтуса Самуэльсон пишет: «Совершенно другая версия железного закона заработной платы дана Карлом Марксом. Он делает основной упор на существование „резервной армии безработных“». Следующую строку оригинала цензура вычеркнула (см. ниже); было оставлено только последнее предложение, гласящее: «Существования безработицы, по Марксу, оказывается недостаточным для того, чтобы понизить заработную плату до уровня прожи-

¹⁴ Предмет особой ненависти (фр.).

точного минимума» (р. 617). Реакция редакторов на эти три с половиной строки молниеносна, правда особым лаконизмом не отличается:

«Стремясь посеять недоверие к марксизму в сознании тех, кто изучает в капиталистических странах экономическую теорию, современные буржуазные экономисты не останавливаются и перед прямым фальсифицированием. Об этом явно свидетельствуют и приводимые выше положения Самуэльсона. Автор чудовишно извращает самую суть марксистской теории заработной платы, приписывая ей положения так называемого «железного закона заработной платы», вся несостоятельность которого была еще сто лет назад убедительно показана именно К. Марксом и Ф. Энгельсом. Стремясь любыми средствами опорочить экономическое учение К. Маркса, автор ставит в один ряд с марксистской теорией народонаселения реакционные измышления представителя буржуазной политической экономии Е. Мальтуса. В действительности же лишь марксизм смог дать подлинно научный анализ развития капиталистической экономики, и в том числе сущности заработной платы при капитализме. Марксистско-ленинская политическая экономия показывает антинаучный и апологетический характер используемой в данной книге концепции предельной производительности.

Весьма характерно, что, несмотря на все оговорки, автор оказывается не в состоянии отрицать то пагубное влияние, которое оказывает на материальное положение рабочего класса существование в капиталистическом обществе резервной армии безработных. Однако, стремясь во что бы то ни стало бросить тень на экономическое учение К. Маркса, автор прибегает к прямой фальсификации, подменяя научную категорию марксистского анализа — стоимость рабочей силы — совершенно иным понятием: минимум средств существования. Поэтому в последующем изложении автор обрушивается, по сути дела, на свои же собственные теоретические построения. Процессы накопления капитала, на которые ссылается Самуэльсон, в действительности неизбежно ведут к дальнейшему усилению материальной необеспеченности рабочего класса, к новому обострению противоречий между трудом и капиталом» (с. 601—602).

Чтобы дать достойный ответ на три вышеупомянутые строки Самуэльсона, потребовалось двадцать шесть строк набранного мелким шрифтом и изобилующего повторами текста¹⁵.

Любое утверждение, касающееся Маркса, яростно оспаривается. Так, например, Самуэльсон высказывает довольно сдержанное суждение: «Прошедшие годы подтвердили некоторые из предвидений Маркса относительно перспектив развития промышленного капитализма, однако один из наиболее известных его прогнозов оказался ошибочным. Его утверждение о том, что богатые будут становиться богаче, а бедные — беднее, не может быть подкреплено тщательным историческим и статистическим исследованием» (р. 115).

Редакторы снабжают его следующим комментарием:

«П. Самуэльсон, как и другие буржуазные идеологи, извращает марксистское учение, чтобы шумно объявить затем об „устарелости марксизма“, о том, будто „жизнь его не подтвердила“. Но в действительности марксизм с честью выдержал суровую проверку временем. Марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы полностью подтверждена всем ходом развития человечества.

¹⁵ Редакторы, однако, умалчивают о той смертельной ненависти, которую испытывали Маркс и Энгельс к Лассалю (Маркс называл его «еврейским негром» (*Jewish nigger*), «тупицей»; Энгельс — «отъявленным негодяем» — см.: *Marx K., Engels F. Briefwechsel (1861—1867)*. 5th ed. N.Y., L.: Mc Graw-Hill, [1955] 1961. P. 100, 171, 261). Ведь выражение «железный закон заработной платы» принадлежит именно Лассалю, высокопочтительному вождю немецкого рабочего класса, позаимствовавшему понятие «железный закон», по-видимому, у Гете. Неприятие Марксом и Энгельсом этого выражения объяснялось главным образом той ненавистью, которое они испытывали к Лассалю.

Один из распространенных в буржуазной литературе приемов вульгаризации учения Маркса состоит в приписывании ему взгляда, будто бедные с каждым днем становятся все беднее, будто рабочий сегодня живет хуже, чем вчера, завтра — хуже, чем сегодня. Однако поляризация буржуазного общества, накопление богатства на одном его полюсе и нищеты — на другом, состоит отнюдь не в этом. Важнейшее проявление растущей поляризации антагонистических классов этого общества в наше время — образование и усиление господства монополистической буржуазии, сосредоточившей в своих руках контроль над экономикой и политической капиталистических стран и, с другой стороны, усилившаяся пролетаризация большей части населения» (с. 127—128).

Комментарий завершается цитатой из Маркса о процессе концентрации капитала, не содержащей какой-либо ссылки на «правильную» трактовку теории обнищания.

Как всегда, редакторы не дают никаких ссылок на марксистские статистические исследования (советских либо иных авторов), подтверждающие тезис об «относительном обнищании» рабочего класса. В действительности, узнав далее о результатах исследования Артура Боули¹⁶ (Лондонская школа экономики), показавшего, что доля заработной платы в национальном доходе на протяжении почти столетия оставалась практически неизменной (р. 226), редакторы не находят ничего лучшего, чем отреагировать на это следующим образом: «марксистский анализ размеров и структуры национального дохода капиталистических стран показывает снижение удельного веса доходов наемных рабочих и служащих. В падении доли рабочего класса в национальном доходе проявляется прогрессирующее относительное ухудшение его материального положения» (с. 233). Так-то вот! И ни одной тебе ссылки на хоть какие-нибудь полученные советскими статистиками доказательства, опровергающие выводы Артура Боули. Используемый редакторами рецепт на удивление прост: повторять одно и то же до тех пор, пока сказанное не превратится в истину. Ибо *in repetitione veritas*, или, как сказал бы Ювенал, «*Stat pro ratione repetitio*»¹⁷.

Помимо Маркса и марксизма с помощью комментариев и цензурирования следует также защищать коммунистическую партию США. Самуэльсон пишет: «Коммунисты обычно составляли лишь крайне незначительную часть членов профсоюза, но их влияние было гораздо большим, потому что они действовали как единое целое, используя для достижения своих целей тактику Макиавелли. Их цели выходили далеко за рамки повседневного экономического юнионизма, свойственного американским профсоюзам» (р. 163). Как мы увидим далее, следующие пять строк были исключены цензурой. Сохранившиеся строки получили такое примечание редактора: «П. Самуэльсон дает извращенную картину целей и характера деятельности Коммунистической партии США в профсоюзах.

Борьба Компартии США в защиту подлинных интересов трудящихся, которую она ведет в исключительно трудных условиях, вызывает глубокое уважение у всех честных людей во всем мире» (с. 173). *Всех честных людей всего мира!* Просто невероятно, как подобная чепуха могла проникнуть на страницы учебника Самуэльсона!

¹⁶ Bowley A.L. The Change in the Distribution of the National Income. Oxford: Clarendon Press, 1920. (Прим. ред.)

¹⁷ Вместо разумного основания выступает повторение (*лат.*). Между прочим, знают ли они, что именно Карл Каутский, их заклятый враг, в острой полемике с Эдуардом Бернштейном на рубеже века был вынужден дать новую трактовку теории Маркса об обнищании пролетариата, заменив абсолютное обнищание на относительное? Если им об этом известно, то они сознательно замалчивают этот факт.

И наконец, еще один курьезный пример, завершающий нашу «антологию». Рассматривая вопросы национальной обороны, Самуэльсон отмечает, что услуги обороны страны — в отличие от частных благ, предназначенных для индивидуального потребления (например, хлеба), — являются неделимым общественным благом. «Большинство людей одобряет это, точно так же, как оно ценит то или иное количество хлеба; но даже среди этого большинства найдутся люди, которые в случае необходимости готовы ради обеспечения обороны поступиться большим количеством хлеба, чем другие. Пацифисты могут открыто заявлять, что расходы на оборону их не очень интересуют, тогда как „*subversives*“, возможно, действительно страдают от недостатка социальных благ, и, чтобы сподвигнуть их на добровольное голосование за расходы на оборону, потребуется дать им много хлеба» (р. 191—192). Кто такие *subversives*? Некомпетентный переводчик, не найдя точного русского эквивалента [«ниспровергатели» — А. Г.], останавливается на варианте: «поджигатели войны», производя тем самым невиданную путаницу. Редакторы, ничтоже сумняшеся, мгновенно реагируют на слово «поджигатели войны», тем самым обрекая себя на абсурдный комментарий: «„Патриотизм“ поджигателей войны — это сказка для детей. Нечего и говорить, что владельцам крупных военно-промышленных концернов, военщине и „бешеным“ [по-видимому, «ястребам» — А. Г.] не придется „лишать себя куска хлеба“ во имя гонки вооружений. Им, как никому иному, чужды общественные интересы. На милитаризации экономики и подготовке термоядерной катастрофы они наживают огромные прибыли» (с. 200).

Интересно, не возникнет ли при чтении этой страницы у тех, кому адресован перевод — «преподавателей, научных работников и аспирантов», — подозрения, что переводчики вместе с редакторами сыграли с ними злую шутку? И как они в целом отнесутся к редакторским примечаниям подобного рода? По-видимому, не придадут им особого значения, поскольку все это они уже слышали в средней школе. Ибо эти примечания — не что иное, как примитивное воспроизведение того, что им приходится изо дня в день читать в газетных статьях и официальных отчетах, не говоря уже о советских учебниках по основам марксизма. У советских читателей, должно быть, выработался устойчивый иммунитет ко всей этой фальши и к громогласным, но абсолютно бессодержательным эмоциональным всплескам. Однако американскому читателю будет полезно узнать, каким образом банальные и низкопробные журналистские нападки, а также набор догматичных суждений можно выдавать за серьезный анализ научной книги.

А что же пострадавший автор? Ему остается читать эти страницы, сохраняя самообладание и находя некоторое утешение в следующих слегка перефразированных строках Гёте:

Es will der Spitz aus [Sowjetisch]¹⁸ Stall
 Uns immerfort begleiten,
 Und seines Bellens lauter Schall
 Beweist nur, das wir reiten¹⁹.

¹⁸ Перефразировка: *ihrem* («ее») заменено на *Sowjetisch* («советской»).

¹⁹ Шпиц из [ее] конюшни все бежит
 За нами в увлечении.
 Но громкий лай его гласит
 О нашем лишь движении.

3. Цензура

Будь у редакторов поменьше сомнений в том, что их критика является убедительной, им не пришлось бы прибегать к замене сомнительного красноречия красноречивым молчанием. Я имею в виду те части текста, что были вычеркнуты по цензурным соображениям. Жертвой цензуры стали прежде всего упоминания Самуэльсона о Советском Союзе, а также ряд других фрагментов. Далее я процитирую вычеркнутые короткие фрагменты, а затем дам оценку более крупным купюрам.

Первой жертвой цензуры стала следующая сноска: «В 1960-х годах в советской литературе и литературе стран-сателлитов заново открывают некоторые достоинства механизма свободного ценообразования. Подражание — наиболее искренняя форма лести» (р. 39).

Другая сноска: «Тщательное исследование проблемы дифференциации (*wage inequalities*) заработной платы в коммунистической экономике России, выполненное Абрамом Бергсоном²⁰, выявило наличие разрыва между работниками с максимальным и минимальным уровнем оплаты труда, что поразительно напоминает ситуацию в нашем [американском] обществе. Шостакович, другие выдающиеся советские музыканты и ведущие ученые, вероятно, зарабатывают больше, чем Стравинский, Теллер и прочие корифеи в Америке. Конкретный уровень различий в привилегиях между верхушкой советских чиновников, военнослужащих, членов Коммунистической партии и рядовыми советскими гражданами не поддается точной количественной оценке» (р. 125).

Как отмечалось в разделе 2, из краткого замечания Самуэльсона о характере внутрипрофсоюзной деятельности Коммунистической партии США цензурой были исключены следующие два предложения: «К тому же коммунисты неукоснительно следовали „партийным установкам из Москвы“, что особенно ярко проявилось в день нападения Германии на Россию, когда внезапно были прекращены враждебные нападки на Рузвельта как „поджигателя войны“, заинтересованного исключительно в создании условий для развязывания „империалистической войны“. Теперь коммунисты приветствовали в его лице влиятельного лидера демократического антифашистского фронта» (р. 163). Редакторы, должно быть, почувствовали, что публикация этих строк с одновременным опровержением в примечании их достоверности вряд ли будет выглядеть убедительно для «всех честных людей всего мира» (см. выше).

На 467 странице оригинала было вычеркнуто следующее предложение: «Это суждение (*equal-marginal-cost dictum*)²¹ применимо не только к капиталистическому, но и к коммунистическому, социалистическому или фашистскому обществу» (р. 467)²².

²⁰ Bergson A. The Structure of Soviet Wages. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1944.

²¹ Экономика добивается максимальной отдачи от имеющихся в недостаточном количестве ресурсов и ограниченных технических знаний лишь в том случае, если цены на товары устанавливаются на уровне предельных издержек. — Прим. ред.

²² Довольно странно, однако, что жертвой цензуры не стало (хотя и было переведено неточно) суждение, которое следует сразу за вышеприведенным, а именно: «Если бы в Советском Союзе не были приняты меры по увеличению производства пшеницы в различных районах страны с целью уравнивания предельных издержек (включая транспортные), то планирующие органы не смогли бы в будущем достичь изобилия пшеницы и других товаров, что представляется менее сложной задачей при более эффективном размещении ресурсов (неудивительно поэтому, что последние дискуссии в их [советской] экономической прессе свидетельствуют, что они постепенно осознают важность этого логического и экономи-

Как отмечалось выше, из краткого высказывания Самуэльсона о теории заработной платы К. Маркса цензура вычеркнула несколько строк. Вот они: «По сути дела предпринимателям предлагается подвести своих рабочих к окнам предприятия и продемонстрировать им собравшихся у фабричных ворот безработных, готовых работать за меньшую плату. И это унылое зрелище...» (р. 617). В данном случае редакторы предпочли не обвинять Самуэльсона в святотатственной фривольности при упоминании имени Маркса, а попросту исключили эти строки.

Из строки Самуэльсона: «Если Робинзон Крузо (*или некий коммунистический диктатор*, или средний гражданин в экономике свободного предпринимательства...» (р. 650) были вычеркнуты четыре выделенные курсивом слова.

Теперь о первом серьезном случае цензурирования. Цензорами был *in toto* вычеркнут состоящий из трех абзацев раздел «Процент при социализме?» (приложение к главе 29 «Теоретические проблемы процента, денег и правительственной политики» (р. 657—658). В этих трех абзацах Самуэльсон говорит лишь о том, что несерьезно считать процент «денежно-кредитным явлением, которое свойственно исключительно хищническому капитализму», и что те, кто занимается вопросами планирования в централизованно планируемой социалистической экономике, обнаруживают, что даже такому обществу при составлении планов приходится использовать некую идею процентной ставки, устанавливая определенные ограничения на текущее предложение капитала (*supply of capital*) и оценивать (*arraign*) чистую эффективность инвестиционных проектов (*net productivities*). Заключительный абзац гласит: «Поэтому в определенный момент неизбежно появляется некое подобие процентной ставки. Последние исследования показывают, что советские социальные инженеры, с одной стороны, страшно опасаются обвинений в апологетике капитализма, а с другой — остро нуждаются в некоей процентной ставке как инструменте оценки эффективности инвестиций; в результате в стране используется порядка дюжины методик (бухгалтерского) учета, позволяющих применять в советской практике планирования понятие процентной ставки в его слегка замаскированном виде».

Очевидно, редакторы просто не решились отрицать аргументы и факты, содержащиеся в этом разделе. Интересно, однако, другое. Как заявлено в послесловии (см. выше), из учебника Самуэльсона советский читатель должен был извлечь нечто поучительное, и вместе с тем из текста оригинала в данном случае исключается именно то, что, безусловно, является ключевым вопросом, имеющим важнейшее значение для просвещения советских экономистов. Как бы там ни было, задача замалчивания была добросовестно выполнена. Из выводов к этой главе был полностью вычеркнут третий пункт, содержащий главную мысль, а из раздела «Вопросы для обсуждения» редакторы исключили следующую строку: «„Процентная ставка — сугубо буржуазный инструмент эксплуатации“. Обсудите» (р. 662).

Порой цензоры довольно мелочны. Так, из фразы Самуэльсона об американской истории: «Великое (*great*) экономическое процветание США отчасти...» (р. 733) они вычеркнули слово «великое» (с. 724).

ческого принципа)» (с. 467). Полагаю, не очень ошибусь, сказав, что это — одно из двух ускользнувших от ножиц цензора высказываний о Советском Союзе. Во втором из них речь идет о поощрении сельского образа жизни, поскольку рождаемость в сельскохозяйственных районах выше, чем в городах (с. 730). То, что этот второй фрагмент не был вычеркнут, менее удивительно, ведь Советы так гордятся своей «антимальтузианской» политикой.

Учитывая, что приведенные здесь восемь примеров разбросаны по более чем 700 страницам текста, приходится признать, что до сих пор возможности цензурского аппарата использовались весьма экономно. Но это были только цветочки, ягодки — впереди. Известный русский поэт А. Некрасов, всегда считавшийся в Советском Союзе «революционным демократом», в одном из своих стихотворений²³ изображает работу царского цензора, который красными чернилами отмечает то, что не подлежит опубликованию: сначала — слово здесь, затем — строка там, и вдруг красные чернила начинают заливать целые страницы, подобно российским рекам, затопляющим поля в весеннее половодье. Именно это и произошло с учебником Самуэльсона.

Жертвой цензуры стала глава 35 «Проблемы экономического роста и развития». На р. 777 приводится обширная таблица, в которой страны сгруппированы по уровню экономического развития в 1954 году. Они разбиты на три группы: 1) высокоразвитые (13); 2) среднеразвитые (20) и 3) слаборазвитые (68). Советский Союз не попал в первую группу и — наряду с Японией, Австрией и Италией — был отнесен к группе среднеразвитых государств. Чтобы смыть это нанесенное чести СССР оскорбление, и сама таблица (занимающая целую страницу), и комментарий к ней были вычеркнуты. Та же участь постигла не менее пяти следующих страниц.

На этих страницах Самуэльсон спокойно размышляет об «актуальности проблемы слаборазвитых в экономическом отношении стран» и о тех рисках (в основном политических), которые ее нерешенность представляет для передовых государств. При этом он отмечает экономическую заинтересованность развитых стран в росте импорта из слаборазвитых стран в результате решения проблемы уменьшения их отсталости. Он цитирует высказывание Ленина о том, что экономическое положение в развитых странах империализма (обостряющийся кризис перенакопления [капитала], падение [нормы] прибыли, постоянно углубляющаяся депрессия) вынуждает их лихорадочно искать рынки сбыта в слаборазвитых странах²⁴. На что Самуэльсон возражает: «современное государство располагает богатым арсеналом инструментов фискальной и денежно-кредитной политики, позволяющих успешно предотвращать глубокие кризисы» (р. 781).

И, возвращаясь к «закону абсолютного обнищания (*law of increasing misery*)», он констатирует, что «сегодня последователи Карла Маркса, понимающие полную несостоятельность... „этого закона“, пытаются объяснить высокую заработную плату в развитых странах эксплуатацией колониальных народов». Хотя, по мнению Самуэльсона, «множество фактов опровергает и эту точку зрения», он, тем не менее, одновременно признает, что «нам следует предельно внимательно относиться к любым обвинениям в наш адрес» (р. 782). Уже одно только это предложение заслуживало бы безжалостного исключения по цензурным соображениям людьми, которые всегда готовы удариться в другую крайность, резко реагируя на любое — сколь бы мягким оно ни было — критическое замечание.

На исключенных цензурой страницах Самуэльсон также говорит о растущем стремлении слаборазвитых стран к материальному прогрессу и преодо-

²³ Н.А. Некрасов. Газетная. — *Прим. ред.*

²⁴ Как жаль, что Самуэльсон не упоминает здесь о том, что молодой Ленин, опираясь на схемы из второго тома «Капитала», твердо настаивал на том, что капитализм создает свой собственный внутренний рынок и не нуждается в экспорте для своего развития. Этого взгляда Ленин придерживался и в более зрелом возрасте (см. его отношение к книге Розы Люксембург), вплоть до тех пор, пока интересы политической конъюнктуры не потребовали от него кардинального пересмотра этого взгляда.

лению вековых препятствий на пути к этой цели. В частности, среди вопросов для обсуждения (к главе 35) есть такой: «Как отнесся бы к современному водопроводу Будда с точки зрения его жизненных устремлений? Как оценил бы водопровод *привыкший* к пользованию им современный последователь Будды? Способны ли ученые дать обоснованные ответы на подобные вопросы? Почему нет?» (р. 797). И это также было исключено цензурой. Почему? Из-за позитивистского характера двух последних вопросов или из опасения испортить международные отношения между Советами и Индией? А может, просто потому, что шутливая форма изложения вызывает раздражение у людей, которым удалось написать вступительную статью, послесловие и примечания редактора, не сделав при этом ни одного остроумного, содержательного комментария?²⁵

Не просто понять логику и в следующем случае. Самуэльсон пишет: «Следует признать, что во многих экономически слаборазвитых странах сохраняется древняя феодальная традиция с ее презрительным отношением к торговле, предпринимательству и бережливости. Богачи живут хорошо» (р. 786). Казалось бы, уж такое-то предложение, безусловно, заслуживает громкого одобрительного редакторского комментария. Однако одобрение советского редактора — это нечто, зарезервированное исключительно для официально признанных «прогрессивных» авторов. Вместо этого исключению подверглось не только что процитированное предложение, а данная Самуэльсоном к словам «Богачи живут хорошо» сноска на источник — книгу Торнстейна Веблена «Теория праздного класса». Почему? Следует ли понимать это таким образом, что Веблен и его труды входят в некий *index librorum prohibitorum*?

И наоборот, учитывая сказанное ранее о Мальтусе, неудивительно, что предложение «Мальтузианский „демон“ убывающей доходности (закон убывающего плодородия почвы. — *Прим. ред.*) подобно эпидемии поражает слаборазвитые страны» (выводы к главе 35, р. 796) было изъято. И, в свете (или во мраке) принципов, которые исповедуют редакторы (или которые им навязываются «сверху»), вполне естественным выглядит исключение предложения, которое следует сразу же за упоминанием о длительности периода, в течение которого происходил процесс огораживания: «Аналогичный пример — осуществлявшаяся безжалостно и не вполне успешно „коллективизация“ российского сельского хозяйства в 1920-х годах, правда коллективизация в Китае была, по-видимому, проведена быстрее» (р. 784).

«Ересь» следующих страниц просто не могла избежать секиры цензора:

«Россия также может служить примером быстрого развития путем технологической имитации. Сам факт, что россияне претендуют на то, что ими изобретено все на свете, воспринимается остальным миром как свидетельство ее [России] фундаментальной уязвимости и осознания того факта, что она поздно вступила в состязание. Как мы видели ранее, царская Россия переживала период быстрого экономического развития примерно шестьдесят лет назад: банкиры Франции, поощряемые французским правительством, продавали частным лицам (французам) большие объемы царских государственных облигаций; доход от их продаж становился одним из источников финансирования железнодорожного строительства, а также развития других отраслей экономики.

²⁵ Они безнадежно серьезны. Анатолий Франс: «*C'est la doctrine des homes qui n'ont jamais ris*» («это кредо людей, которые никогда не смеются»).

Однако все это произошло слишком поздно и не смогло предотвратить большевистскую революцию, ставшую итогом поражения, которое потерпела Россия от Германии в Первой мировой войне. Разумеется, после этого Советский Союз больше не мог опираться на зарубежные источники капитала. Для обеспечения форсированных темпов индустриализации в период первой пятилетки (с 1928 года) безжалостному сокращению подверглось текущее потребление. Поначалу существовала практика активного привлечения иностранных специалистов, и с тех пор советские ученые постоянно проявляли большой интерес к выходящей за рубежом научно-технической литературе. России не нужно посылать за границу шпионов с целью раздобывать информацию, поскольку основная ее часть постоянно публикуется в наших открытых периодических изданиях» (р. 790—791).

В меру своего знания российской и советской истории я рад подтвердить, что содержание приведенных отрывков соответствует реальному положению дел. Однако, как свидетельствует продолжительная и воистину суровая история, знание истины никогда не было надежной защитой против обвинений в ереси. Соответственно приведенные страницы были вычеркнуты цензурой *in toto*.

Часть работы по цензурированию, по-видимому, вели в строгом соответствии с инструкциями, часто не вникая в содержание. Иначе чем объяснить, что в предложении «Как показывает опыт Японии, России, Германии и Соединенных Штатов, процесс переноса на свою почву передовых методов, разработанных в других странах, — дело нелегкое» (р. 797 и с. 776) было вычеркнуто слово «Россия»?

Мы видим, что было сделано с главой 35. Учитывая столь серьезные сокращения, произведенные в ней, сложно понять, как *Общий редактор* решился назвать в своем послесловии (с. 824) анализ Самуэльсоном проблем экономического слаборазвитых стран «весьма поверхностным».

После убийственной расправы над главой 35 глава 36-я («Проблемы экономического роста и стабильности цен в развитой экономике») не была изображена редакторскими комментариями или красными чернилами цензуры. Однако мощный реванш последовал незамедлительно, и 37-я (последняя) глава («Альтернативные экономические системы») исчезла *целиком*, не оставив в советском издании учебника ни малейшего следа. Остается отметить некоторые возможные причины этого крупномасштабного хирургического вмешательства.

Возможно, некоторые ответы даст простое перечисление подзаголовков главы 37: фашизм; социализм; теория Маркса и советский период российской истории; советская экономика; сравнительный анализ экономического роста. Глава написана в спокойном тоне, а ее основу составляет преимущественно фактический материал. Тем не менее сколь бы неоспоримыми ни были факты, оказалось, что они нарушают многие священные, глубоко укоренившиеся советские табу.

Одним из них, разумеется, является упоминание (по меньшей мере дважды — р. 823) имени Троцкого, а предложение: «Армия была организована и обучена Троцким» не имело никаких шансов быть опубликованным в Советском Союзе, где история полностью «обезличена». Самуэльсон завершает фрагмент о гражданской войне следующими словами: «В итоге офицеры Белой армии оказались в эмиграции, главным образом в Париже, где они работали шоферами такси и пили водку за императора Николая» (р. 823). Эта фраза, достойная того, чтобы понравиться редакторам, напротив, по-видимому, вызвала у них раздражение, поскольку помешала им назвать Самуэльсона апологетом российской белоэмиграции.

Следующие четыре небольших абзаца — содержащих краткие выводы о периоде советской истории со времени ленинского нэпа до развенчания Хрущевым культа личности Сталина, — довольно нейтральны в своей лаконичной фактографии и, казалось, не должны были бы привлечь к себе внимание цензоров. Однако красные чернила уже пролиты. Одно только последнее предложение этого параграфа о хрущевской «оттепели», а именно: «Однако поляки, венгры и ленинградские студенты в полной мере почувствовали, что зима еще отнюдь не кончилась» (р. 824), — настоятельно потребовало цензорских ножниц и чернил.

Нельзя сказать, что параграф о советской экономике написан в антипатичном тоне, а любая встречающаяся в нем мимолетная критика нередко тут же смягчается. Так, например: «Независимых (в нашем понимании) профсоюзов, как известно, там не существует, но горе руководителю, против которого ополчились все рабочие» (р. 827). А заключительный абзац параграфа носит скорее позитивный характер: «В общем и целом ошибочно думать, что там все несчастны. Хотя безусловно верно, что не многие жители стран Запада согласились бы поменять свой уровень материального комфорта и политической свободы на жизнь в Советском Союзе, столь же верно и то, что советский гражданин полагает, что он живет в раю по сравнению с жизнью в коммунистическом Китае, где права семьи гораздо более жестко регламентированы, промышленность гораздо более отсталая, бытовые удобства и материальное благосостояние находятся на гораздо более низком уровне, а давление государства на личность бесконечно больше. Вспомним также, что жизнь при царизме отнюдь не была счастливой и безмятежной для большинства населения, и, на взгляд путешественника из нищезавоеванной Азии или Африки, уровень жизни в России должен выглядеть совсем иначе, нежели он представляется нам» (р. 828). Вроде ведь — неплохо! Так нет же. Достаточно вспомнить тон редакторских примечаний о «чудовищной» и «хищнической» эксплуатации американских рабочих монополиями, которые сокращают доходы рабочих посредством использования низкооплачиваемого труда женщин и детей (см. выше). Разве не согласились бы они с готовностью поменяться на жизнь в Советском Союзе?

Весь параграф о советской экономике по своему тону и содержанию настолько далек от выдержанных в духе самовосхваления эпических прославлений советской экономики, которые традиционно адресуются советскому читателю, что спокойный и объективный текст Самуэльсона — будь он опубликован — казался бы вероломными нападками сикофанта монополистического капитализма.

В заключительном параграфе последней главы учебника автор приводит приблизительную оценку, согласно которой в 1960 году реальный ВВП Советского Союза составлял примерно 50% от соответствующего показателя Соединенных Штатов. Эта оценка, несомненно, глубоко огорчила и раздражила бы советского читателя. Аналогичную реакцию вызвало бы достаточно осторожное предположение Самуэльсона о возможном замедлении темпов роста советской экономики. А обоснованный вывод о том, что Советский Союз в течение длительного времени не сможет превзойти США по показателю реального ВВП (тем более — по уровню социальной обеспеченности населения (р. 830), несколько расходился бы с большей частью официально пропагандируемого в Советском Союзе абсурдизма (*unwisdom*).

Таким образом, учитывая советские табу и принимая во внимание, что замалчивание несравненно легче аргументированного критического анализа, а также то, что в стране глубоко укоренилась практика цензуры печатного

слова, не следует удивляться тому, что произошло с последней главой учебника Самуэльсона. При этом, как мы помним, заявленная цель перевода книги состоит в информировании (квалифицированных) советских читателей о том, чему учат американских студентов в области экономической теории. Но то, что преподается там о советской экономике, явно не предназначено для глаз и ушей «высокообразованных» советских людей.

И наконец, не следует забывать, что существует страх — как у издательств, так и у редакторов. Согласно статье 70 УК РСФСР «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский политический и социальный строй», является преступлением, которое наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и ссылкой на срок от двух до пяти лет²⁶. В таких условиях работа по цензурированию, проведенная издательством и нанятыми им редакторами, представляется вполне разумной и предусмотрительной²⁷.

²⁶ Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Москва, 1970.

Поскольку именно государственные органы определяют, что именно считать порочащим, эта фраза действительно является слишком уж многословной, а на практике любое «умаление достоинства советского политического и социального строя» может быть признано клеветническим по определению.

²⁷ Возможно, читатель захочет сравнить содержание настоящей статьи с тем, как обошелся с «Общей теорией ...» Дж. М. Кейнса редактор ее русского издания (ср.: *Turner J.B. An Analysis of Soviet views on John Maynard Keynes*. Durham, NC: Duke University Press, 1969. Ch. 4, в особенности р. 63—69).